

Любовные чары

Автор:

Людвиг Тик

Любовные чары

Людвиг Тик

«...Эмиль нетерпеливо поднялся. Темнело, и Родерих все не шел, а он хотел открыть ему свою любовь к незнакомке, жившей напротив, любовь, не дававшую ему спать по ночам и удерживавшую его по целым дням дома. Но вот на лестнице раздались шаги, дверь отворилась, и в нее вошли без стука две пестрые маски с отталкивающими рожами; одна из них – турок, одетый в красный и голубой шелк, другая – испанец, бледно-желтый и красноватый, с множеством перьев, развевавшихся на шляпе...»

Людвиг Тик (1773–1853)

Любовные чары

В глубокой задумчивости сидел Эмиль за столом и ожидал своего друга Родериха. Перед ним горела свеча, зимний вечер был холоден, и сегодня Эмилю хотелось, чтобы его спутник был с ним, хотя обычно он охотно избегал его общества; в этот же вечер он собирался открыть ему одну тайну и спросить его совета. Нелюдимый Эмиль во всех делах и случаях жизни находил столько трудностей, столько непреодолимых препятствий, что, казалось, иронический каприз судьбы послал ему этого Родериха, которого во всем можно было признать прямой противоположностью его друга. Непостоянный, ветреный, поддающийся каждому первому впечатлению и мгновенно загорающийся, Родерих брался за все, знал толк во всем, ни одно начинание не было ему слишком трудным, никакие препятствия не были ему страшны; но во время выполнения какого-либо дела уставал и выдыхался он столь же скоро, сколь

вначале был находчив и увлечен; встречающиеся помехи не подстрекали его увеличить усердие, но лишь побуждали пренебречь тем, за что он так рьяно брался; словом, Родерих так же беспричинно забрасывал и беспечно забывал свои планы, как необдуманно их затевал. Поэтому не проходило дня, чтобы между друзьями не завязывалось стычек, которые, казалось, грозили смертью их дружбе, однако, быть может, именно то, что по видимости разделяло их, связывало обоих особенно тесно; они нежно любили друг друга, но находили большое удовлетворение в том, чтобы выдвигать один против другого самые обоснованные обвинения.

Эмиль, богатый молодой человек впечатлительного и меланхолического темперамента, остался после смерти родителей хозяином своего состояния; для расширения кругозора предпринял он путешествие, но вот уж несколько месяцев, как находился в одном большом городе, чтобы насладиться карнавальными развлечениями, о которых нисколько не думал, и чтобы серьезно переговорить о своем состоянии с родственниками, которых вряд ли и посетил. Дорогой встретился ему непостоянный, чрезмерно подвижный Родерих, бывший не в ладах со своими опекунами; стремясь окончательно отделаться от них и их докучливых увещеваний, Родерих горячо ухватился за сделанное ему новым другом предложение взять его с собою в путешествие. В дороге они уже не раз готовы были расстаться, но при каждом столкновении оба только яснее чувствовали, как необходимы они друг другу. Едва выходили они из кареты в каком-либо городе, как Родерих успевал осмотреть все местные достопримечательности, с тем чтобы забыть их на следующий день, тогда как Эмиль в течение недели основательно готовился по книгам, чтоб ничего не пропустить, но затем из-за пассивности многое не удостаивал своим вниманием; Родерих немедленно заводил тысячи знакомств и посещал все общественные места; нередко случалось, что он приводил вновь приобретенных приятелей в одинокую комнату Эмиля, где и покидал его с ними одного, когда они начинали надоедать ему. Также часто смущал он скромного Эмиля, превознося сверх всякой меры его заслуги и знания перед учеными и умными людьми, которым давал понять, как много они могли бы получить от его друга сведений из области языкознания, старины или искусствоведения; сам же он никогда не мог найти времени выслушать своего спутника, когда разговор заходил об этих предметах. Стоило же только Эмилю настроиться на какое-либо дело, как он почти наверняка мог рассчитывать на то, что его непоседливый приятель простудится ночью на балу или при катанье на санях и будет вынужден лежать в постели; таким образом, Эмиль жил в величайшем уединении с самым живым, беспокойным и общительным человеком на свете.

Сегодня Эмиль ожидал его непременно, так как Родериху пришлось дать торжественное обещанье провести с ним вечер, чтобы узнать то, что угнетало и тревожило его задумчивого друга уже в течение многих недель. Пока что Эмиль записал следующие стихи:

Как жизнь весной мила, приятна,

Когда под соловьиным пеньем

Цветы и листья с упоеньем

Дрожат и шепчутся невнятно.

Как хороши при лунном свете

Вечерних ветерков порханья,

Когда на крыльях лип дыханья

Они резвятся точно дети.

Как сладостна нам пышность роз,

Когда в полях все расцветает,

Любовь из сотен роз сияет,

Из ночи звездной, полной грез.

Но мне милей, приятней, слаже

Свечи мельканье в келье скромной,

Лишь вспыхнет там огонь укромный,

Я пред окном стою на страже.

Слежу, как косы расплетает

Она рукою белоснежной,

Одежд касается небрежно,

Венками кудри украшает.

Как лютню со стены возьмет,
И звуки тихие проснутся,
Под нежным пальцем засмеются
И ускоряют свой полет.

Им шлет она вдогонку пенье,
Шутливо убегает звук
И в сердце прячется мне вдруг,
И там уж песня чрез мгновенье.

О злые! дайте вольным быть.
Они ж, замкнувшись в сердце, шепчут:
«Твое страданье будет вечным,
Узнай, что значит полюбить».

Эмиль нетерпеливо поднялся. Темнело, и Родерих все не шел, а он хотел открыть ему свою любовь к незнакомке, жившей напротив, любовь, не дававшую ему спать по ночам и удерживавшую его по целым дням дома. Но вот на лестнице раздались шаги, дверь отворилась, и в нее вошли без стука две пестрые маски с отталкивающими рожами; одна из них – турок, одетый в красный и голубой шелк, другая – испанец, бледно-желтый и красноватый, с множеством перьев, развевавшихся на шляпе. Когда Эмиль стал терять терпение, Родерих сбросил маску, показал свое хорошо знакомое, смеющееся лицо и сказал:

– Э, дорогой мой, что за угрюмая мина! В карнавальное время и такой вид? Мы с любезнейшим нашим молодым офицером пришли за тобой, сегодня большой бал в маскарадном зале; и раз уж я знаю, что ты дал зарок не выходить иначе, как в черном платье, которое носишь всегда, то иди с нами так, как ты есть, потому что уже довольно поздно.

Эмиль на это разгневанно ответил:

– Как видно, ты по привычке совершенно забыл о нашем уговоре, очень сожалею (при этом он обратился к незнакомцу), что я ни в коем случае не могу вас сопровождать, мой друг слишком поспешил, давая согласие за меня; я вообще не могу уйти из дома, так как мне нужно поговорить с ним о важном деле.

Незнакомец, который был скромен и понял желание Эмиля, удалился, а Родерих совершенно равнодушно снова надел маску, стал перед зеркалом и сказал:

– Ну и мерзкий вид! Не правда ли? В сущности, это безвкусное, отвратительное изобретение.

– В этом не может быть сомнения, – произнес Эмиль с большим неудовольствием. – Делать из себя карикатуру, одурманивать себя – это как раз те развлечения, за которыми ты охотнее всего гонишься.

– Из-за того, что ты не любишь танцевать, – сказал тот, – и считаешь танцы зловредной выдумкой, и другие не должны веселиться? Как это досадно, когда человек весь состоит из причуд.

– Конечно, – возразил разгневанный друг, – и у меня достаточно случаев наблюдать это в тебе; я полагал, что, согласно нашему уговору, ты подарешь этот вечер мне, но...

– Но сейчас ведь карнавал, – продолжал Родерих, – и все мои знакомые и несколько дам ожидают меня на сегодняшнем большом балу. Подумай только, мой дорогой, ведь это у тебя настоящая болезнь, раз подобные вещи вызывают в тебе столь незаслуженное отвращение.

Эмиль сказал:

– Кого из нас двоих назвать больным, не стану разбирать; твое непостижимое легкомыслие, твоя жажда рассеяться, твоя погоня за развлечениями, которые не заполняют твоего сердца, – все это мне, по крайней мере, не представляется душевным здоровьем; в известных случаях ты мог бы пойти навстречу моей слабости, если только это слабость, и нет ничего на свете, что до такой степени расстраивало бы меня, как бал с его ужаснейшей музыкой. Ведь кто-то сказал, что глухому, который не слышит музыки, танцующие должны казаться бесноватыми, но я думаю, что сама по себе эта страшная музыка, это кружение

немногих звуков, повторяющихся с отвратительной быстротой в тех проклятых мелодиях, которые непосредственно проникают в нашу память, я бы сказал даже, в нашу кровь, и от которых впоследствии долгое время нельзя отделаться, – это и есть само безумие и бешенство, ибо если танцы еще могут быть для меня более или менее выносимы, то только без музыки.

– Вот так парадокс! – ответил замаскированный. – Ты заходишь так далеко, что самое естественное, самое невинное и веселое на свете считаешь неестественным и даже страшным.

– Я ничего не могу поделать со своим чувством, – сказал Эмиль серьезно. – Эти звуки с самого детства делали меня несчастным и часто доводили до отчаяния. В мире звуков они являются для меня наваждением, ларвами и фуриями, и, подобно им, они носятся над моей головой и с отвратительным смехом скалят на меня зубы.

– Слабость нервов – точно так же, как и твое преувеличенное отвращение к паукам и некоторым другим невинным гадам, – отвечал Родерих.

– Ты называешь их невинными, – проговорил расстроенный Эмиль, – потому что они тебе не противны. Но для того, у кого при виде их подымается в душе и пронизывает все существо чувство тошноты и отвращения, такой же несказанный страх, как у меня, для того эти отвратительные чудовища, как, например, жабы и пауки, или еще это противнейшее из всех созданий – летучая мышь, далеко не безразличны и невинны, а наоборот, существование их враждебно противостоит его собственному. Конечно, можно посмеяться над неверующими, чье воображение не мирится с привидениями, страшными личинами и теми порождениями ночи, которые мы видим во время болезни или которые рисуют нам творения Данте, ибо даже самая обыкновенная, осязаемая действительность пугает нас страшными, уродливыми образцами этих страхов. И действительно, разве мы могли бы любить красоту, не ужасаясь этим уродствам?

– Почему ужасаясь? – спросил Родерих. – Почему огромное царство вод и морей должно являть нам именно эти страхи, к которым твое представление привыкло, а не необыкновенные занимательные и любопытные маскарады, так что весь мир можно было бы рассматривать как комический бальный зал? Но твои причуды идут еще дальше: ибо, как ты любишь розу с каким-то идолопоклонством, с такой же страстностью ты ненавидишь другие цветы; но

что же тебе сделала добрая, милая огненная лилия, как и многие другие создания лета? Так и некоторые цвета тебе противны, некоторые запахи и многие мысли, и ты ничего не делаешь для того, чтобы закалить себя в борьбе с ними, и мягко им поддаешься. В конце концов собрание подобных странностей займет то место, которым должно было бы владеть твое «я».

Эмиль был разгневан до глубины души и ничего не ответил. Он уже отказался от намерения открыться Родериху; да и легкомысленный друг, казалось, не жаждал вовсе узнать тайну, о которой его меланхоличный товарищ возвестил ему с таким серьезным видом; он равнодушно сидел в кресле, играя своей маской, и вдруг вскричал:

– Будь добр, Эмиль, одолжи мне свой большой плащ!

– Зачем? – спросил тот.

– Я слышу там, в церкви, музыку, – ответил Родерих. – До сих пор я каждый вечер пропускал этот час, сегодня же он мне особенно удобен, под твоим плащом я могу скрыть это одеяние, также спрятать под ним маску и тюрбан, а когда музыка кончится, тотчас отправиться на бал.

Ворча, Эмиль достал из шкафа плащ, подал его вставшему с места другу и принудил себя иронически улыбнуться.

– Вот тебе мой турецкий кинжал, который я вчера купил, – сказал Родерих, закутываясь в плащ. – Спрячь его; такой серьезный предмет не годится держать при себе для забавы, ибо никогда нельзя предвидеть, до каких бед он может довести в случае ссоры или других неприятных неожиданностей; завтра мы увидимся, будь здоров и весел.

Он не дождался ответа и быстро спустился вниз по лестнице.

Оставшись один, Эмиль постарался забыть свой гнев и найти в поведении друга смешные стороны. Он осмотрел блестящий, прекрасной работы кинжал и сказал:

– Каково должно быть человеку, который вонзает эту острую сталь в грудь противника или, что еще ужаснее, ранит любимое существо? – Он спрятал кинжал, затем осторожно растворил ставни окна и выглянул в узкий переулок. Но нигде не мелькнуло огня, в доме напротив было темно; дорогая ему девушка, жившая там и обычно занимавшаяся в это время домашними делами, очевидно, ушла из дому. «Быть может, она даже на балу, – подумал Эмиль, – хоть это и не подходит к замкнутому образу ее жизни». Но вдруг показался свет, и девочка, с которой любимая им незнакомка не разлучалась, с которой она и днем, и вечером все время возилась, пронесла через комнату свечу и притворила ставни. Осталась светлая щель, достаточная для того, чтобы Эмиль мог со своего места обозревать часть небольшой комнаты. Нередко, счастливый, стоял он там далеко за полночь как зачарованный и следил за каждым выражением лица возлюбленной. Он с удовольствием наблюдал, как она учила девочку читать или давала ей уроки шитья и вязания. Из расспросов он узнал, что малютка – бедная сирота, которую прелестная девушка из жалости взяла к себе на воспитание. Друзья Эмиля не могли понять, почему он живет в этом узком переулке, в неудобном доме, почему он так мало бывает в обществе и чем он занят. Безо всякого дела, в одиночестве, он был счастлив, недовольный лишь собой и своим нелюдимым характером, тем, что не решался искать более близкого знакомства с этим прелестным существом, хотя она несколько раз в течение дня любезно раскланивалась и отвечала на его приветствия. Он не знал, что и она с таким же упоением следит за ним, и не подозревал, какие желания рождались в ее сердце, на какие трудности и на какие жертвы она чувствовала себя способной, лишь бы вызвать его любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tik_lyudvig/lyubovnyye-chary

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)